

Исполняется 65 лет народному поэту республике Вячеславу Шаповалову. Сам он решительно отрицает всякое юбилейное толкование даты, но вот в журнале Международной академии наук педагогического образования (Москва) появляется юбилейный материал о нашем академике, а в журнале "Знамя", едва ли не самом сегодня элитарном и амбициозном среди "толстых" российских журналов, дается статья известного критика о новой книге поэта...

Что ж, с удовольствием присоединяем свой голос к хору поздравлений с "неофициальным юбилеем" и предлагаем вниманию читателей публикацию о поэте, чье творчество давно стало частью большой литературы.

Всякое слово, попадая на обложку, полнится символикой. "Чужим алтарем" озаглавлены стихи заведомо нерелигиозные, к тому же прилагательное "чужой/чуждый" - самое в этой книге заметное. Приведу выдержку, которую ничего не стоит удвоить или утроить: "приблизился к подворью чужому", "ты, свой чуждый край называвший милым, ты, возлюбивший чужой язык", "под крышей чужой", "на чужом пиру творись, похмелье" (и снова "чуждого пира похмелье"), "чуждого дела горький итог", "в далекой стране, в чужой стороне", "врастать в чужой народ", "чужого помола калач", "вокруг чужая земля", "маячат пастухи, как чуждых предков тени", "чуждого мира мгла", "выдать чуждой вере верительный билет". И, наконец, "чужак в чужой стране".

Ни единой завершенной фразы, но тема - вот она. Символика названия не нуждается в расшифровке.

Перескажу, спрямляя, но не перевирая, длинное стихотворение Шаповалова, в эту книгу не включенное. Пятеро приятелей, кто-то вдрызг усмеваются: "Лет двадцать, и русские нам не нужны". Все, киргизы, косятся на русского. "Глулость!" - опровергает один. "Чушь!" - вторит ему другой. "Поживем - увидим", - уклончиво говорит лирический герой. "Лет двенадцать прошло. Ну и? "Может, вправду, Киргизия, ты покидаешь меня?"

Сказано неловко, да суть-то не в этом. Сама мысль о мавре, сделавшем свое дело, представляется герою дикой, она сроду не залезала ему в голову. Следуют пыльные заверения, мол, "счастье с горем смешались в киргизской и русской судьбе". Что же будет? "Лет восемь еще впереди..." Финал, однако ж, оптимистичен: "Мы пришли продолжать эту дружбу".

"Баллада о киргизской речи" помечена двойной датой - 1976, 1988. Шаповалов в ту пору переписал наново многие давние стихи, как Пастернак в конце 20-х - ранние свои опыты. Но тут, я думаю, 76-й означает время, когда разговор состоялся, 88-й - когда вспомнилась и стал отправной точкой. Не только "Баллады". Лирика беда начало, далее возникла целая книга; вот ее зачин: "Не лукавь"... Тебе только кажется, что ты дома. Это дом не твой". "Не лукавь" автор повторяет с полдюжи-

ны раз, одергивая себя нынешнего, прозревающего. Ну а прежде-то не лукавил? Едва ли. Но то, что мнилось ахинеей, на письме тотчас обрело плоть, очертания, стало главным и в два счета застало все прочее. "Не лукавь, не предчувствовал ты исхода..." Библийская лексика соответствует ужасу вдруг увиденных обстоятельств. "Эпоха исхода: народы уходят - чтоб не встречаться вновь". Опять сказано неловко, народы не уходят, а расходятся. Поэт еще только нащупывает эсхатологическую для него тему; подступившие вплотную перемены - светопреставление, по-другому не выразишь. "Если русский придет, то его неизбежен исход - минет год

1996-м, и шансов оказаться замеченной у нее не было. Называлась она между тем интригующе - "Заложник". Так поэт именует себя, своих единокровных сограждан и, видимо, всех инородцев-иноверцев, очутившихся когда-то в Киргизии либо вообще в так называемых союзных республиках (якобы СССР и впрямь являл собою союз). Тут имеется, правда, закавыка. В современных академических словарях и в неакадемической Википедии тоже "заложники - лица, насильственно захваченные и удерживаемые в каких-либо целях". А кто же русских удерживал и тем паче захватывал? Ежели приезжали, случалось, и не вполне добровольно, то вот уехать восво-

скажет о своей земле: "родимая чужбина"; неотступная тема проывается и там, где речь о другом.

Неуютное житье-бытье миллионов русских, разом оказавшихся вне пределов отечества, время от времени риторически поминают политики, чаще всего просто набирая очки. Вячеслав Шаповалов - единственный из поэтов (и прозаиков тоже), кто первым уловил флюиды грандиозной встряски, сказал о ней, а там уж упрямо, даже, пожалуй, уперто вперились - не оторвать! - в изменившийся порядок вещей. Его местоположение в мире стало неприкаемым и межумочным - ни тут, ни там: "...те ж телеги на коих пришли из России / скрип колес плач комуза туман из

рук. / И ухода твоего не заметит / азийский круг". И вдобавок "если мы подохнем - нас не вспомнят. / И - поделом".

Характерно, что к Азии претензий у Шаповалова нет: "Не вино тебя, тобою предан". Он мог бы, пожалуй, сказать о себе, как некогда Хлебников: "О, Азия! Себя тобою мучу", но в его муках ее вины нет. Обижайся на себя. Либо на страну. Наш поэт отменно постиг обиду своих сотоварищей по судьбе, "рождением или происхождением русских, / российских - но Россией позабытых". И недвусмысленно выразил ее:

*А Россия хранима в сердцах,
неспроста соловьем запекает,
о разбросанных в мире птенцах,
как кукушка, легко забывает.
Мы виновны ль, коль гнезда
тесны,
коль язык нам дарован для пенья
далеко от родимой страны?*

Чуть архаично, чуть косноязычно, но ведь искренне. Наш автор, иной раз такой уж авангардист-модернист, оказывается на поверку чуть ли не сентиментален. "Я дважды предан, дважды продан был, / Россия с Азией"... "мне обе лгут..." И каков итог? "Я родину не укоряю".

Законный вопрос: он, Шаповалов, знал одной лишь думы власть? Отнюдь. Однако до него русские стихотворцы этой "думы" не касались. Он открыл новую жилу, разработал ее, и для знакомства предпочтительней на ней и сосредоточиться.

А может, наш автор ополчился на две свои родины, потому что жизнь у него попросту не сложилась? Из аннотации к "Чужому алтарю" читатель узнает, что перед ним "один из крупнейших мастеров русского поэтического слова Центральной Азии, народный поэт Киргизии, лауреат Государственной премии КР". Регалии перечислены далеко не все. Вячеслав Шаповалов - доктор филологических наук, профессор, академик, заслуженный деятель культуры Киргизии, кавалер киргизских орденов...

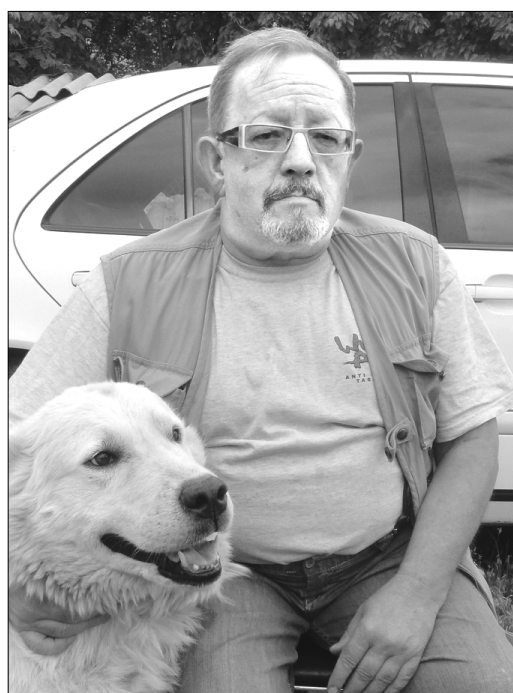
Ладно, Бог с ними, с регалиями. Занятно, что, судя по аннотации, в Центральной Азии работают по меньшей мере несколько крупнейших мастеров русской поэзии. Мне-то грешным делом чудилось - их нынче по всему свету раз-два и обчелся. Прочитанная формула и сходные с ней - "один из крупнейших в XX веке русских поэтов Центральной Азии", "один из крупнейших русских поэтов в сегодняшней Центральной Азии", "один из крупнейших мастеров русской поэзии "восточного" направления", "известный поэт, по литературным меркам входивший в "сборную СССР" и даже "один из крупнейших мастеров современного русского поэтического слова", так вот, эти формулы на родине Вячеслава Шаповалова прилегают к его имени как постоянный эпитет в фольклоре.

Парадоксальным образом это сызнова подводит нас к имперской теме. Распалась империя, распалось общее культурное пространство. В каждом его сегменте - свои нравы, свои критерии. Шаповалова меряют мерками фантомной "русской поэзии в Центральной Азии", выставляют эдаким первым парнем на деревне. Между тем его ценит Семен Липкин совместно с Ч. Айтматовым, предваривший вступительным словом том избранных стихов нашего поэта (2003). Увы, русская культура столпцентрична, и про Шаповалова, почти не публиковавшегося вне дома, мало кто слышал. А ведь его творчество придало бы палитре русского стиха незнакомый оттенок.

Георгий КУБАТЬЯН.
Москва.

ЗАЛОЖНИК ИМПЕРИИ

О творчестве Вячеслава Шаповалова в современном литературном процессе

или тысячелетью". Поначалу суть ускользала, бросив "исход", автор спустя минуту говорил "уход". А теперь ясность, однозначность - исход.

Обратите внимание, речь идет о предчувствии, всего лишь о предчувствии. Сам исход русских еще не начался, вроде б им и не пахло. Первые стихи "про это" помечены, повторяю, 88-м. И даже в наших краях, "за хребтом Кавказа", сотни тысяч армян отмахивались и не бежали куда глаза глядят из Баку, Кировабада, Мингечаура, хотя в Сумгаите прозвучал не тихий звоночек - оглушительная сирена: спасайся, пока не поздно. В Центральной же Азии тишь да гладь, и кому-кому, но русским-то, во всяком случае, тревожиться не из-за чего. Ни тебе мощного тектонического сдвига, ни даже слабого подземного толчка. Разве что Шаповалову во Фрунзе неймется, знай долбит в одну точку: "Час испытанья обозначен... Имя сему: отторжение, отвержение... Снова наступает пора миграций..."

Стихи по большей части шероховаты, местами корявы. Что вы хотите, предвидение подчистую забирает энергоресурсы души, не до шлифовки. Пифии, прозревая будущее, впадали в транс, язык у них иной раз откровенно заплетался. Часто ли вы встречали в сегодняшней литературе сбывшееся прорицание такой социальной, общенациональной значимости? Не говорю, что критика прозвела, прошляпила. Бог весть, опубликованы ли те стихи в периодике на родине поэта, но дальше...

Книжка вышла в Бишкеке в

яси никому не возбранялось. Езжай, вольному воля. Что-то не складывается.

Зато в старину, бывало, на Востоке царь оставлял сына при дворе дружелюбного венценосца в залог своей верности союзническим обязательствам. И чьими же тогда заложниками выступают у нас русские люди в Азии, на Южном Кавказе, в Балтии? Мне знакомы два предположения критиков - земляков поэта: во-первых, времени; во-вторых, распада страны. То и другое выше моего понимания - кто кому дал в залог? Сам автор приводит иное предположение: "Вечности, скажут, заложник". Отсылка к знаменитой и прозрачной формуле Пастернака ("Ты вечности заложник у времени в плену") заманчива, но неверна. Только творческую натуру высокого полета вечность отдает в залог (в плен) конкретному времени, чтобы после снова взять ее себе. Человеку, не посягающему на бессмертие, такое не по чину.

Объяснение поэта: "...на развалинах Третьего Рима, в потеках грима райцентровский клоун, истории медный грошик - заложник". Узнаваемая "вознесенская" интонация, созданная внутренней рифмой и резким перепадом парно рифмуемых разноstopных строк, не сбивает с толку. Рухнувший давеча Третий Рим - он, именно он оставил заложника, расширив свое пространство, ведь экспансия - вторая натура всякой империи, держава приводила с собой на завоеванные земли русских, оставляла их там и словно бы говорила: вы нужны мне здесь, и покамест я существую, вас никто не тронет. А новым подданным обещала: беру вас под крыло и в залог вечного своего покровительства село среди вас моих детей; коль скоро нарушу слово и брошу вас на произвол судьбы - поступайте с ними как заблагорассудится.

Между прочим, стихи на смерть Чингиза Айтматова Шаповалов озаглавил "Имперская элегия". В плаче по писателю звучит отчасти - почти неразличимо, под сурдинку - плач по империи. Положим, я чувств автора не разделяю, но понять его легко; ни русский в России, ни армянин в Армении не

ложбин / меж двух родин теперь уже меж двух чужбин..."

Исход ли, бегство ли рисуются равнодушно, не слышно воплей отчаянья. Константация. Боль отболела. Стихи же куда какие негладкие. Знаки препинания сняты, прописные буквы стали строчными, ноль эмоций. И въяве чувствуется - телеги кое-как одолевают ухабы нетерпимого пути.

Шаповалов издавна заинтересовался "Русским следом" в Киргизии (есть у него такое стихотворение). При этом он искренне разделял советскую точку зрения: тут моя родина, тут мой дом, я тебе, "Киргизия, не пасынок, а сын". В русских он оправданно видел просветителей, культуртрегеров и не сомневался - что бы ни случилось, их след уже не стереть. И Россия, совсем уж естественно, тоже представлялась ему родиной. Обращаясь к себе, молодой поэт вполне по-советски утверждал: "Она (Россия) - в твоём грядущем озаренье". Вряд ли он объяснил бы, что, собственно, сие значит, ан уверенность в завтрашнем дне его не покидала. Теперь интерес исполнился драматизма, даже трагизма. В стихах памяти русских переводчиков эпоса "Манас" он от первого лица пишет:

*растрчивая дар,
мы спели первыми силлабы
дымных Трой -
но золотым слогом русского
домена.
Арчовой веточкой горящей,
Мельпомена,
нас, вечных, помяни,
беспамятством укрой...*

Мельпомена здесь не столько муза трагедии, сколько сама трагедия. Трагично, что герои, полчается, впустую растрчивали свой дар и ждет их беспомощность. Секретарь ЦК выписывает гонорар, едва ли, кстати, щедрый, "безродным иммигрантам местного Востока"; вот они кто для номенклатурного хана. Слово "иммигранты" чересчур актуально? Верно. Так было, так есть, так и будет. Оттого-то Пржевальский у нынешнего Шаповалова, не в пример позавчерашнему, сомневается, был ли смысл изводить себя в дебрях Азии:

*В тифозном бреду разве
вспомнить, зачем начинали
дорогу в полмира - чтоб путь
оборвался в полсвета.
И мнится: пичуга, тоскуя
на черной чинаре,
по-русски поет, генерал!..*

Впрочем, глулость все это. Зачем? И попробуй ответь. А впрочем... "Не лукавь - / сама судьба ответит, / компас вырвет из